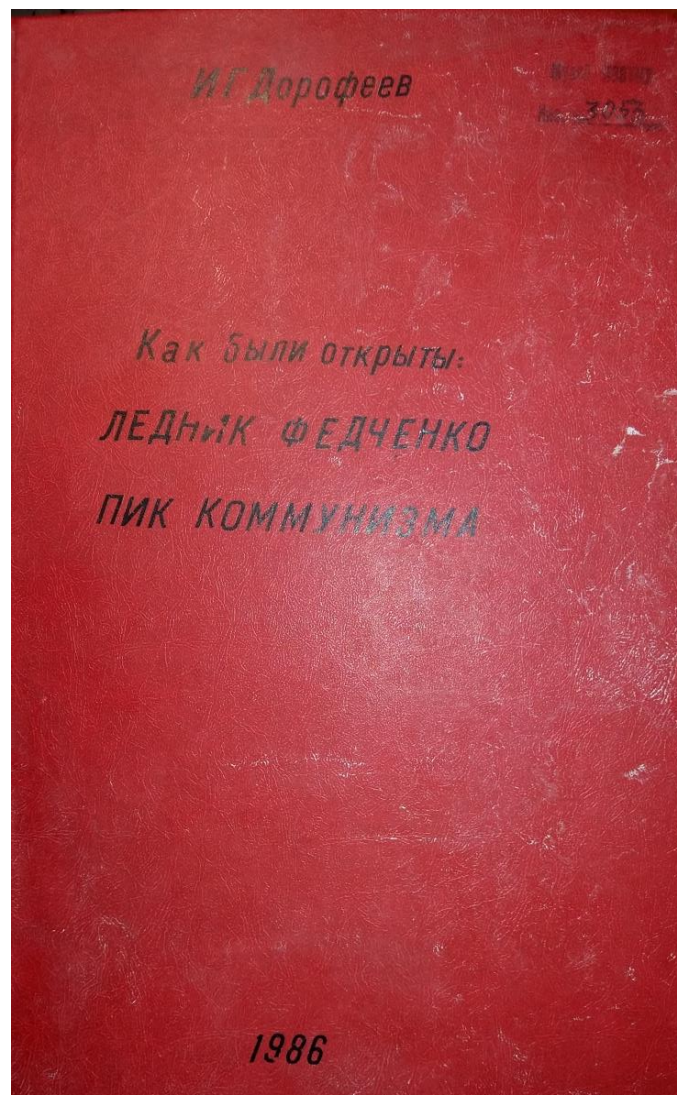

**ДОРОФЕЕВ ИВАН ГРИГОРЬЕВИЧ,
военный топограф, полковник.**

Его жизнь — готовый сценарий триллера. Он мог погибнуть в боях с белофиннами, но выжил и был награжден красными революционными шароварами. Его могли зарезать басмачи, уничтожить вместе с Блюхером за военную операцию близ озера Хасан, расстрелять вместе с генералом Павловым за поражение войск в Белоруссии. Но судьба хранила его.

Благодаря ему на Памире не осталось «белых пятен».

**САМАЯ ВЫСОКАЯ ВЕРШИНА СССР - ПИК КОММУНИЗМА И
ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ САМОГО БОЛЬШОГО В СССР ЛЕДНИКА - Л. ФЕДЧЕНКО.
(Рассказ участника этих открытий, военного топографа Дорофеева И.Г.)**

До 1928 года географической науке, да и народу, не было достоверно известно о существовании теперешнего пика Коммунизма, ученые исследователи Памира знали, что в большой «Неисследованной области», расположенной в Северо-Западной части Памира, она занимала несколько тысяч квадратных километров, должны быть географические неожиданности, о чем подсказывали бурные реки и ледники, спускающиеся оттуда.

Ледник Федченко был открыт известным исследователем Памира энтомологом Василием Федоровичем Ошаниным в 1887 году. Первооткрыватель посчитал, что длина ледника 15-20 верст.

В 1908 году военный топограф Н.И. Косиненко сделал смелую попытку проникнуть верхом на лошадях на ледник Федченко. Он дошел, преодолевая огромные трудности, до большого левого притока в ледник Федченко, ледника, который он назвал Бивачным. Дальше на лошадях пойти не мог, мешали страшные трещины. Пешком он сделал поход по леднику Бивачному, в сторону пика Коммунизма, но ничего не сказал видел ли он эту вершину. Прошел он и вверх по леднику Федченко, но по его словам трудно определить докуда он дошел. Однако, он сказал, что длина ледника Федченко около 30 километров.

До 1928 года по леднику Федченко больше никто не проходил. Путешественники того времени не умели ходить по ледникам, их пугали страшные трещины.

Н.И. Косиненко лишь чуть-чуть приоткрыл завесу, скрывавшую от науки сущность ледника Федченко. Ученые исследователи и не стремились исследовать этот средний по величине ледник. Таким он им тогда представлялся. И так до 1928 года о наивысшей точке нашей Родины науке ничего не было известно. Наука о леднике Федченко знала очень мало. Мне посчастливилось первому из участников экспедиции Академии наук СССР обнаружить высочайшую вершину Советского Союза, теперешний пик Коммунизма. Это было 2 августа 1928 года.

По леднику Федченко прошел первым из участников той же экспедиции я. Это было в период с 2 августа до 12 августа 1928 года. В этот же период я составил его топографическую карту. Длина ледника оказалась 77 километров. Ледник встал в один ряд

лидеров неполярных широт ледников нашей планеты и оказался самым большим ледником Советского Союза. Об этом рассказ ниже.

До советского времени высокогорная страна-Памир, была мало изучена. Там были районы, где еще не ступала нога человека.

Самая большая и самая труднодоступная область, она называлась «Недоступной областью», находилась в Северо-Западной части Памира. Она занимала несколько тысяч квадратных километров.

В 1928 году Академия наук СССР организовала международную Советско-германскую высокогорную Памирскую экспедицию. Ей была поставлена задача: проникнуть в «Неисследованную область», нанести ее на карту и написать географическое описание.

Начальником экспедиции был назначен управделами СНК СССР, бывший личный секретарь В. И. Ленина Н. П. Горбунов; его заместителем по научным вопросам Д. И. Щербаков, впоследствии известный академик.

Все понимали, что проникнуть в «Неисследованную область» будет очень трудно. Ведь недаром туда еще никто из ученых исследователей Памира не сумел проникнуть. Учитывая это, была создана специальная высокогорная группа. В состав ее подбирали особо тщательно участников. Особенно обращалось внимание на состояние здоровья, знание своей специальности, (топографические и геодезические работы), умение ходить в горах с большими высотами. Кроме этих качеств обращалось серьезное внимание на характер человека, стойкость переносить тяготы высокогорных походов, а так же и уживчивость в коллективе.

Подбору специалистов для высокогорной группы уделялось особо серьезное внимание. В помощь топографам и геодезистам выделялось по пять опытных альпинистов как для советской группы, так и для немецкой группы.

С каждой стороны вошли по два топографа - геодезиста. В советскую группу вошли: военный инженер-геодезист К. В. Исаков, военный топограф И. Г. Дорофеев и пять альпинистов: генеральный прокурор РСФСР Н. В. Крыленко; зам. наркома статистики, видный ученый О. Ю. Шмидт; член коллегии наркомата РКИ Е. Ф. Розмирович; врач-хирург Е. М. Россельс и Л. А. Перлин.

В германскую группу вошли: геодезисты Р. Финстервальдер и Г. Бирзак, пять опытных альпинистов Австрийско-германского альпинистского союза.

Обязанности распределили так: К. В. Исаков должен выполнять геодезические работы, Финстервальдер с Бирзаком выполняют фототеодолитную съёмку, на меня возлагалась задача, о которой Академия наук СССР так написала в отчете о работе Памирской экспедиции на Памир 1928 г.: «На долю советского топографа И. Г. Дорофеева выпала труднейшая задача пройти те мертвые пространства, которые не покрывались фотограмметрической съёмкой. Для этого он был снабжен мензулой облегченного типа, буссолью Шмалькальдера, anerоидом-высотомером. Ему также поручалась маршрутная съёмка всех наиболее интересных и труднодоступных путей движения разведочных отрядов».

Выполняя эту задачу, мне всегда приходилось идти впереди всех участников Высокогорной группы. Прокладывать же первый след по нехоженной земле, да еще такой сложной и трудной, как высокогорный Памир, всегда труднее, чем идущим сзади. Кроме трудности местности были очень сложные моменты взаимоотношений между мною и немецкими альпинистами; которые с их стороны были направлены на устранение меня из состава группы, как это им удалось сделать с Исаковым. Исаков заболел, как только мы приехали на Памир высокогорной болезнью, что является обычным явлением для каждого человека, попавшего в высокогорные условия: его организм пока не акклиматизируется в высокогорных условиях, болеет. Пользуясь тем, что мы, советские участники, были неопытными в этом вопросе, уговорили нас отправить Исакова с Памира в Алайскую долину, которая ниже, чем на Памире, а если мы этого, не сделаем, то Исаков обязательно умрет.

Хотя я выполнял работу, оговоренную при выезде на Памир на совместном совещании еще в Москве, однако, мне всячески старались мешать в работе, особенно в этом деле играл неблагоприятную роль старший альпинист Борхерс. Он сумел влиять и на других немецких участников, особенно на врачей Альвайна и Кольхаубта. Я понимал, что им хотелось, чтобы больше, а еще лучше, чтобы все географические открытия были сделаны в «Неисследованной области» ими.

Только этим я и могу объяснить вот такой случай. Однажды я оказался с двумя красноармейцами в лагере немецких альпинистов. У меня не было продовольствия, теплых вещей и палатки. Мы в их лагерь пришли вечером. У них готовился ужин. Они не накормили нас и на ночь не пригласили в палатку. Высота была 4700 метров. Дул сильный ветер, мороз около 8 градусов. Чтобы не замерзнуть, мы всю ночь прыгали, толкали друг друга, падали, раздирали руки о камни. Ночь была кошмарная, длиною с год!

Утром появилось солнце и согрело нас. Я сел около камня и мгновенно заснул. Проснулся, вижу лежу в палатке, в спальном мешке. Голова разваливается от боли. Около меня сидит Нагуманов и как-то странно глядит на меня.

-«Что со мною?» —спросил я.

-Вы, товарищ начальник, уже пятые сутки лежите без памяти.

-Немцы здесь?

-Тут ещё. Какие-то они странные. Ничего не делают, сидят, косо поглядывают на вашу палатку. Врачей звали, но их главный, Борхерс, запретил им подходить к вам. Когда я просил их о помощи вам, они отвечали: ферште; нихт-и-бельмейд (не понимаю). А чего понимать, коли вы на весь лагерь стонали. Звери они, да и только! - зло проговорил Нагуманов. И видимо, хотят избавиться от вас, как избавились от Исакова. Мы слышали, как они упоминали вашу фамилию в разговоре.

Услышав все это, мне стало не только неприятно, но и страшно, ведь это похоже на заговор против меня. От них можно ожидать всякой гадости. Да, Борхерс очень неприятный тип. Он среди немцев вроде главного, хотя официально числится профессор Рикмерс главным.

Тем не менее, я все-таки написал по-немецки записку на имя врачей, их среди альпинистов было два: Альвайн и Кольхаубт, в которой просил об оказании мне медицинской помощи. И опять потерял сознание. Пять раз я приходил в сознание, пять раз писал записки с просьбой о помощи и... ни одного раза врачи не пришли ко мне.

Только на шестые сутки наступил кризис в моей болезни. Из правого уха пошел гной с кровью. Температура с 41,4 градуса снизилась до 39,6. Я сразу почувствовал облегчение. Впервые за болезнь выпил кружку сладкого чая. Слышу за моей палаткой разговор немцев. Мне захотелось встретиться с ними. С трудом выбрался из палатки. Встал, держась ослабшими руками за колышек палатки. Было солнечное, теплое утро. Альпинисты нежились, лежа на спальнях, мешках не замечая меня. У меня язык не поворачивался для приветствия их. Но вот они заметили меня. Мне трудно передать с каким удивлением они поглядели на меня: на их лицах можно было прочесть и растерянность, и злобу, но только не доброжелательность. Ни сказав мне слова, по знаку Борхерса, они стали быстро сворачивать свой лагерь...и через несколько минут их след простыл. У меня на душе остался пренеприятный осадок. Они ни слова не сказали мне - ни тогда, когда впервые после моей болезни увидели меня, ни тогда, когда покидали этот лагерь.

Но, странно: их отъезд подействовал облегчающе на меня и моих помощников. С нас спала какая-то давящая тяжесть. Красноармейцы: Нагуманов, Сахоутдинов, Гизятов и караванщик Ходжа-Мамат повеселели. В лагере послышались веселые голоса. Ходжа-Мамат насобирает сухой травы и разжег небольшой костер и приготовил незатейливый обед.

Нагуманов перевязал мне ухо; оно сильно болело, и, странно, я этим ухом отлично чувствовал удары сердца, но ничего им не слышал, это тревожило меня.

Я задумался. Что мне делать? Если поехать на базу экспедиции, там врид начальника экспедиции Д. И. Щербаков переполошится и отправит меня в г. Ош в больницу. До Оша надо ехать верхом восемь дней, в больнице продержат не менее десяти, да и после лечения отпустят ли врачи обратно на Памир — это большой вопрос. И тогда с советской стороны в экспедиции не будет топографа. Следовательно, все исследование в «Неисследованной области» будет сделано немцами. Это же позор для советской географической науки! Это позор для Военно-топографической службы, выделившей меня в эту экспедицию! Бросать работу ни в коем случае нельзя.

А если останусь? Как выдержит мой организм эту болезнь, чем все это может кончиться? Обстановка сложилась не в мою пользу. Есть над чем задуматься. Как подумаю, что надо ехать в больницу - стыд сжигает, а когда подумаю, что надо остаться - страшно за себя, ведь неизвестно чем может кончиться эта болезнь. Долго думал. Позвал на совет помощников. Разъяснил им обстановку. Рассказал, как к нам в Петроград весной 1919 года приехал больной В.И. Ленин, чтобы позвать нас коммунистов-питерцев на защиту молодой Советской страны. В тот год на свержение Советской власти были брошены большие силы войск 14 капиталистических государств, внутренняя белая армия и контрреволюционные элементы, их было много. Мы были бедные, голодные, плохо вооруженные, и Ленин, учитывая все это, несмотря на свое плохое здоровье после злодейского на него искушения, приехал к нам.

Ленин не пожалел своего здоровья ради спасения революции! А я разве имею право дорожить своим здоровьем больше, чем Ленин дорожил своим. Мои помощники выслушали внимательно мой рассказ и так заявили: «Мы, комсомольцы, должны во всем брать пример с Ленина. Обязуемся работать так, чтобы не только свою выполнить работу, но и за Исакова сделать. Пусть Борхерс со злости лопнет, но мы не уступим ему. Обещаем вам не бояться никаких трудностей, в лепешку разобьёмся, но не подкачаем!», заявил Нагуманов от имени товарищей».

Мне было приятно услышать такое. Это заявление воодушевило меня. Забегая вперед, должен сказать, что они свое слово одержали с честью.

И так, я остался работать. На следующий день наш поход продолжался. Обстановка, в которой я оказался, была не из лучших: с одной стороны - моя болезнь тревожила меня, как бы мое здоровье не вывело меня из строя, с другой - неблагоприятная обстановка, созданная Борхерсом, портила нервы, и даже более того, настораживала на то, как бы не было более серьезных предпринято ими действий. За дни болезни мой организм сильно ослаб, а тут еще и температура держится около 38 градусов. Путь мой лежал в долину р.Танымас, до которой около 300 километров с заходами в боковые ущелья и долины для топографической съёмки. Там я должен быть в конце июля. Выдержу ли? Хватит ли сил и позволит ли здоровье? Вот это меня и мучило. К тому же дорога незнакомая, по ней исследователи еще не ходили.

22 июля я прибыл в долину р.Танымас на границу «Неисследованной области», к этому времени здесь собралась вся Высокогорная группа, кроме советских альпинистов. Тут же были и наши товарищи: Я. И. Беляев, неутомимый астроном и Р. Р. Биммераман - руководитель советских метеорологов.

Я привел в порядок свои съёмочные планшеты, подсчитал длину сделанных съёмочных ходов и удивился - 346 километров. Планшеты показал обитателям Высокогорного лагеря М1. Они произвели большое впечатление на всех. Да оно и понятно: это были первые планы в нашей экспедиции, и на них была масса географических открытий, ледники: Октябрьские, Володарского и др; пики Октябрьский, Фруузе, Володарского, Урицкого, Веры Слуцкой и др, хребты: Коммунаров, Карачим и впервые нанесен на карту хребет Зулумарт. Планшеты долго ходили по рукам, вызывая похвалы в пользу мензульной съёмки в экспедиции.

Мы наметили план штурма «Неисследованной области». Согласно ему немецкие геодезисты остаются здесь на несколько дней для фототеодолитной съёмки ледника Грумм-Гржимайло (название ледника современное). Я. И. Беляев пойдет вверх по реке Танымас, чтобы определить там для нас астрономический пункт, я пойду по ущелью Танымас северный, а после этого мой путь будет лежать по реке Танымас и далее в центр «Неисследованной области».

Через четыре дня мы с Беляевым вернулись в лагерь. Якову Ивановичу помешала погода увидеть местность в верховье Танымас, но он все-таки улучил момент ночью и отнаблюдал астропункт. Перед Беляевым туда же ходили альпинист Нольхаубт и наш

альпинист Л. А. Перлин. О результатах этих походов Академия наук СССР в своем отчете о работе Памирской экспедиции 1928 года так написала:

«Частичная рекогносцировка средней, и верхней частей большого ледника, лежащего к западу от истоков р.Танымас, была впервые выполнена сначала Кольхаубтом и Л. А. Перлиным, а затем в конце июля Я. И. Белявым вместе с тем же германским альпинистом Кольхаубтом. Однако, вследствие неустойчивой погоды и снежных метелей на леднике, сведения, собранные названными лицами, были отрывочными, недостаточными для географической характеристики района и не совсем правильными. Несколько дней позднее И. Г. Дорофееву удалось определить, что этот ледник является средней частью огромного замечательного ледника Федченко, ранее известного только на небольшом протяжении от устья в вверх».

Из этих походов я ничего полезного для себя не узнал, кроме того, что «Неисследованная область» защищается и не пускает в свои владения людей. И это, надо сказать прямо, меня волновало, чем я лучше моих предшественников, почему они не могли ничего полезного для нас разведать, и почему я буду иметь больший успех?

Я волновался. К тому было предостаточно причин. Во-первых, со мной пойдет обновленная команда рабочих, еще не бывшая на ледниках. Во-вторых, я и сам не знал ледников. В-третьих, у меня очень плохо обстоит дело с питанием - отварная баранина и лепешки. В-четвертых, у меня ничего не было для приготовления горячей пищи, даже не на чем было растопить снег для воды, жажду утолять приходится снегом. И, наконец, у меня на шесть человек только одна двухместная палатка, имеющаяся у меня лагерная, очень громоздкая, непригодная для переноски в горах, и ледниках. Видя, как я пытался приспособить для переноски эту палатку, Рикмерс, глава немецких ученых, предложил мне обменять временно на его четырехместную, а он нашу обменяет, тоже временно, на юрту у нашего пекаря лепешек. Я поблагодарил профессора за выручку, а он поблагодарил меня за то, что он получит юрту, в которой намного лучше ему будет. К сожалению моя радость была обманчивой. Но об этом скажу ниже.

29 июля я вышел в поход в «Неисследованную область». Со мной пошли: красноармеец Гизятов, пять таджиков-рабочих. Продовольствия взял на десять дней. Провожать нас вышли все обитатели лагеря. Со всех сторон сыпались добрые пожелания.

Сразу от лагеря началась топографическая целина, на карте сплошное белое пятно. Я с удовольствием вел полуинструментальную съёмку; расстояния для переходных рабочих точек брал по рейке, контурные точки определял засечками. Как же хороша для такой работы малая мензула! А какая же увлекательная работа составлять первую карту

местности, по которой до тебя никто не проходил! По существу, все, что не нанесешь на планшет, все географическое открытие. От такой работы сердце радуется. Я забыл даже о болезни уха. По дну ущелья с шумом несется река Танымас. Справа (орографически) в долину впадают ледники. Они без названия: надо дать им имя. На карте появляются ледники: Танымас-2, Танымас-3, Танымас-4 и Танымас-5. Чистый лист ватмана быстро заполняется элементами будущей карты. Сознание, что я иду до «Неисследованной области» настолько охватило меня, что я забыл о еде и отдыхе.

И вот я стою на загадочном великане-леднике. Была солнечная, теплая погода. Тихо. На темно-синем небе ни облачка. Снег сверкал мириадами звезд. А какие горы, какие ледники открылись моему взору! Я стою как очарованный невиданной красотой, Рабочие повалились на чистый снег и быстро захрапели на весь ледник; они дети гор, этим их не удивишь. А вот красноармеец Гизятов стоит около меня и тихо говорит: «Такой большой гора я не видал, шибко красива гора! Да, я тоже такой грандиозной горной панорамы еще не видал, а ведь целый год до этого бродил по хребту Гиндукуш. Вот с юга подошла долина шириною около пяти километров, вся заполненная ледником; немного севернее ее другой ледник подходит, а где мы своим, ледник круто повернул на северо-запад и километров около пятнадцати ушел от меня. Ледник меня удивил своей величиной: с юга он прошел до меня не менее двадцати пяти километров, итого я вижу ледник, с одной точки около сорока километров. Таких ледников на Памире науке неизвестно. Но ведь я не весь ледник вижу, вероятно, он на северо-западе сделает еще один поворот и длина его еще намного может прибавиться. Так я думал.

А какой величественный и красивый закрывает горизонт горный хребет, засыпанный снегом! На нем несколько высоких вершин выстроились, как солдаты в строю. До них около тридцати километров, а как величественно они выглядят! Мое особое внимание привлек трапециевидный пик, со окошенным немного правым краем.

Я лихорадочно работал весь день. С нескольких рабочих станций удалось определить и нанести на планшет и этот ледник-великан, что был виден мне с этого места. Но пики, маячившие на северо-западе, не удалось засечками определить их места на моем планшете: до них было далеко, а базис, с которого я делал засечки, был мал и прочерченные линии не пересекались. Но я сделал на них наблюдения вертикальных углов, зарисовал их в мензурном журнале и несколько раз сфотографировал. Работу закончил, когда солнце зашло за горы, и вот наступят сумерки.

Пока я работал, рабочие установили палатку, залезли в нее и надышали тепла. Высота лагеря 4600 метров. Мороз около восьми градусов. Все залезли в палатку. Хотя и

тесно, но вить можно. Поужинали отварной бараниной и лепешками. Жажду утолили снегом. Отлично!

Я раз мечтался, как завтра пойду вниз по леднику, чтобы определить его длину и узнать, что это за ледник. Тут надо сказать, что я на ледник поднялся сразу в его центральную часть. Если бы я шел снизу, я знал бы по какому иду леднику. А в данном случае, я как на парашюте спустился на него, потому, чтобы выяснить что это за ледник я должен спуститься к его нижнему концу. Я мечтал, как определю и местоположения пиков и их высоты. Сердце бушевало от радости успешной сегодняшней работы и это понятно: открыт величайший на Памире ледник, открыто много вершин высочайших, и ледников, которых ещё никто из людей не видал. А что будет завтра!

Радость первопроходца - его спутник: она придает ему сил, упорства в преодолении препятствий, и сглаживает бытовые неудобства и лишения. Им владеет одно: желание сделать как можно больше, можно лучше, и, конечно, быстрее. Я раз мечтался.

И вдруг....

- Два человек идет! - крикнул Гизятов.

Я выскочил пулей из палатки. «Не посланцы ли дикого племени?» мелькнуло у меня в голове. Ведь легенда ходит на Памире, что в это районе прожигает дикое племя. Но это пришли два таджика от Рикмерса. Принесли письмо от него. В нем он пишет:

-Господин Дорофеев, прошу вернуть мою палатку и всех рабочих, они нужны моим товарищам. В. Рикмерс, прочел я на небрежно оборванном клочке желтой оберточной бумаги.

-Бот тебе, бабушка, и Юрьев день! - невольно вырвалось у меня. Письмо это меня поразило, как гром среди ясного дня. Распоряжение явно нацелено на срыв моей работы. Почему так неожиданно Рикмерс меняет принятый нами совместно план работы. Я задумался. Что делать? Не выполнить приказание я не имел права: таков закон нашей экспедиции, оговоренный еще в Москве. Если полностью выполнить это приказание, значит прекратить работу и спуститься самому в нижний лагерь. А как же тогда с выяснением ледника? С определением пиков? Подумав, я принял решение: рабочих, кроме одного, отправляю вниз, с ними посылаю палатку и инструменты, конечно, на самом законном основании оставил Гизятова, он не рабочий. А сам решил продолжать съемку ледника буссольно-глазомерным способом, благо у меня оказалась при мне буссоль Шмалькальдера, а ею хорошо могу производить съемку, и имею большой опыт в этом деле. Немного смущало отсутствие палатки. Но мои помощники согласились с моими доводами,

что вместо палатки будем зарываться в снег и мороз нам не будет страшен. Таджик Ибрагим родом из кишлака Орошор, что в долине Бартанг, оказался хорошим товарищем, хотя и сильно побаивался ледников, но и я боялся их. Ведь опыта походов по ним у меня было очень мало.

Меня больше всего смутило продовольствие: пока я работа в стороне от рабочих, они тайком от меня ели и баранину, и лепешки.

Осталось у нас всего на четыре дня, если не урезать установленной для походов нормы. А сколько нам придется идти по леднику, я не знал. Поговорил с помощниками и уменьшили норму на одну треть.

Пошли, привязавшись к веревке, так как ледник был завален толстым слоем снега, можно угодить запросто в трещину, о чем меня так старательно предупреждал профессор Рикмерс.

Погода стояла ясная, тихая, теплая. Настроение мое поднялось. Расстояние между рабочими точками определял шагомерами и обратными за сечками с ранее определенных прямыми засечками контурных точек. Работа спорилась. Зарисовки делал в записной книжке, а затем вечером или в ненастную погоду с записной книжки переносил на планшет. Получалось довольно быстро и хорошо. Конечно, точность такой съёмки бы ниже мензульной, но по содержанию элементов местности она не уступала мензульной съёмке.

Как я не спешил, но пройти мимо подходящих долин к нашему леднику я пройти не мог. Вот справа подошел ледник. Пошел по нему и был вознагражден за это открытием нового хребта и перевала. Ледник называл именем академика Д. В. Наливкина, а хребет Арал, что значит по-киргизски Остров. Зашел в левую долину, наметил удобные перевалы через хребет, идущий западнее большого ледника. Зашел во второй левый ледник - открыл перевал, впоследствии оказавшимся легендарным перевалом Кашалаяк. Все шло более или менее хорошо. Но вот появилась подснежная сырость. Ботинки намокли, чулки стали мокрыми, ногам холодно. Но и это полбеды. Нас ждали больше трудности впереди.

Наш ледник стал поворачивать на северо-восток. Появились страшные, открытые трещины. Их черные, широкие зевы устрашающе действовали на нас. А их надо переходить. Но как? Я не имел понятия. Они пересекали поперек весь ледник, ширина которого в этом месте около трех километров. Мы искали перехода пробираясь вдоль трещины, иной раз через весь ледник. И по снежному мостику переходили с большими предосторожностями, чаще всего ползли по-пластунски по такой снежной перемычке, строго страховали переползающего через трещину. Это была очень трудная и небезопасная

переправа. Уставали мы на этих трещинах довольно сильно. Иногда такой снежный мостик не выдерживал тяжести переползающего, обламывался, и тут надо много сил приложить, чтобы удержать падающего и вытащить на поверхность. После такой аварии у нас немного прибавлялось смелости переходить по мостикам. Человек ко всему привыкает. Мы научились безошибочно определять надежность мостика. Иной раз попадалась такая сложная трещина, что пройдешь всю ее, а мостика не найдешь. Тут приходилось с большим риском и осторожностью перебираться по малонадежным снежным перемычкам. Времени тратили очень много, а продвиг по расстоянию очень маленький. Иной раз подумывал: «Не вернуться ли?». Но самолюбие и желание выполнить задание брало верх.

Рабочие точки иногда приходилось устраивать между трещин на небольших ледниковых островочках, метрах в двух-трех от края трещины. Ледник содрогается, крихтит, сосульки в трещинах обваливаются и со звоном падают в бездонные трещины. Я тогда не знал ледников, не понимал почему крихтит ледник, отчего содрогается он. И это вызывало тревогу за свое благополучие. Ибрагим плачет, просит, чтобы я поскорее покинул это место. Гизятов тоже, я вижу, побаивается, но он солдат, ему не положено проявлять трусость перед командиром, помалкивает, озирается кругом при каждом толчке ледника. Конечно, и я чувствовал себя не ахти как уверенно в таких условиях. Но рабочая точка по техническим условиям не может быть перенесена в другое место без ущерба для работы. А я должен показывать пример поборов собственный страх.

Долго мы мучались на этих трещинах. Но вот, наконец, поворот ледника закончился. Трещины стали реже, короче и мы их проходили проще и быстрее, дело пошло быстрее.

И вот я увидел впереди потрясающую картину. Ледник одним прямым стволом, с извивающимися темными полосами морен, уходил далеко-далеко. На глаз прикинул – не менее 30 километров.

— Вот ледник так ледник! Более 70 километров. Чего доброго, еще и не поверят мне, невольно вырвалось у меня.

-Туда пойдем? Не то вопросительно, не то неодобрительно спросил Гизятов. У нас мало-мало харч есть. Идти туда далеко.

-Да, далеко, обязательно надо. Придется еще убавить дневной паек, сказал я. И тут же поставил этот вопрос перед моими спутниками. К моему удивлению и радости, они охотно согласились с моим предложением. Туда пойдем вниз, не так трудно, а обратно идти тоже будет легко ведь мы пойдем на базу, где продовольствие вдоволь.

Наступили сумерки. Подул сильный встречный ветер, холод стал пробирать до костей. Еда на ум не идет. Хочется спрятаться от стужи, а негде. Долго выбирали место, где бы можно было потеплее провести ночь. Сначала попробовали устроиться на морене, ведь она не лед, наверное, потеплее будет. Но Ибрагим уговорил перейти на снег.

-На снегу и мягче и теплее будет. Зароемся в снег, как куропатки и будет хорошо, уговаривал он нас. Так и поступили, и я не жалел - действительно в снегу зарывшись теплее. Снизу-то, конечно, холодно, но ветер не достает. У меня была с собою взята афганская шуба. Замечательная вещь. Она с длинной шерстью, легкая и очень теплая. Мы ее постелили на снег. Улеглись, прижавшись поплотней друг к другу, покрылись своими полушубками, и вполне сносно провели ночь. Правда, спать мешали падающие лавины: они, словно перекликались друг с другом, то близко прогремит, а то где-то далеко отзовется. Иногда земля под нами дрожала, ледник дергался и побрякивал. Это он не спешно сползал вниз, как я потом узнал, со скоростью полметра в сутки. Мы с Гизятовым оружие держали, на всякий случай, наготове: ведь легенда о диком племени плотно сидела в наших головах. Кто его знает, а вдруг они нападут на нас. Но мы не видели ни их, ни даже следов их.

Поднялись с рассветом. Хотелось не терять зря времени; идти, чтобы поскорее согреться, и главное скорее выяснить, что за ледник, по которому вот уже сколько идем.

Как не торопились, но мимо долины, кстати, довольно пологой и не короткой, в верховьях которой просматривался довольно легкий перевал, я пройти не мог. Поднялся на порывал, с которого можно спуститься на западную сторону хребта. Потом выяснил, что это был легендарный перевал Кашалаяк через хребет Академии наук.

У меня была схема ледника Федченко, составленная профессором Н. Л. Корженевским в виде прогноза. Она очень похожа на ледник, по которому мы шли, но в то же время он в верхней своей части совершенно не отвечает местности. Поэтому я решил дойти по леднику до надежного места, которым, по моему мнению должен быть ледник Бивачный, изображенный на этой схеме Корженевским. На этом леднике в 1908 году побывал военный топограф Н. И. Косиненко. Туда я и спешил.

Слева в ледник врезался, такой шпорой, соблазнительный ригель. На нем просматривалась плоская площадочка. Мне захотелось подняться на него. Подъем простой, времени много не займет. Зашел. И был вознагражден приятным видом: на плоской площадочке мне улыбались низкорослые, удивительно нежные, чистые голубенькие цветочки. Я был удивлен как они переносят ночные морозы, доходящие до 6 градусов. И вот, на тебе, живут!

Трепаны прекратились. Мы радовались. Но коротка была наша радость: сейчас же за ригелем мы попали в ледниковое болото. Да, как ни странно, но очень напоминает болото: довольна большая котловина была сыпана глубоким слоем рыхлого снега. Под снегом вода. Попытались обойти, но куда не пойдём везде вода. Пошли через болото. Вымокли выше колена. От холода зуб на зуб не попадает. Согревались быстрым ходом, благо здесь высота около трех тысяч метров.

Чем ближе к ущелью, в котором я надеялся опознать Бивачный ледник, тем более появляется у меня нетерпения. Скорей бы, наконец, установить название ледника!

Я почти бегу. Спутники мои не успевают за мной. И вот я увидел левое ущелье.

- Ура! Ура! Мы дошли до нужного ущелья! – кричу, что есть мочи. Ущелье это, действительно ледник Бивачный. Да здравствует ледник Федченко! – ещё громче закричал я. Да здравствует самый большой ледник Советского Союза! - радость охватила меня.

Так вот состоялось второе открытие ледника-великана Федченко. Потом ученые скажут, что второе открытие ледника важнее первого.

Академия наук СССР так написала в «Общем отчете о работе Памирской экспедиции 1928 года: «И. Г. Дорофеев первый открыл и указал, что ледник Федченко простирается на огромное расстояние от ранее известного местонахождения языка его у устья р. Баландкиик до долины Танымас и далеко к югу от долины Танымаса. Им открыта также возможность спуска из верховьев р. Танымас в долину р. Мук-су и произведена разведка пер. Кашалаяк Им впервые открыт ледник Академии наук, ледник Наливкина, ледник №8 и №4. В это же время немецким геодезистом Р. Фистервальдером и его ассистентом Г. Бирзаком была произведена подробная фототеодолитная съёмка ледника Нотгемейнштафт (теперь он называется ледник Грамм-Гржимайло, И.Д.). Немецкие альпинисты совершили ряд серьезных восхождений в районе Танымасских ледников, преимущественно с целью ориентироваться в орографии местности и подготовить фотограмметрическую съёмку».

Из этой записи Академии наук видно, что я на много дней шел впереди немцев по леднику Федченко и все важные географические открытия в бассейне ледника Федченко были сделаны мною, а не немцами, как некоторые деятели пытаются исказить истину, приписать немцам и открытие пика Коммунизма, и то, что немцы первыми прошли по леднику Федченко.

Трапециевидный пик оказался самым высоким в СССР, его высота 7495 метров над уровнем моря. Но в 1928 году мы не могли считать его вновь открытым пикам па причине

того, что на схеме Н. Л. Корженевского был показан пик с названием Гармо, находящийся примерно в этом же районе. Правда, его высота и местоположение на много расходились с нашими данными, там не менее, мы не имели права не считаться со схемой, тем более, что она, как прогноз имеет право на неточности. Мы к тому же принимали во внимание и то обстоятельство, что народ, обычно, называет собственными именами наиболее выдающиеся вершины.

Исходя из этого, я предложил сохранить за трапециевидным пиком название Гармо. Со мной согласилось и руководство экспедиции.

Так вот на карте бассейна ледника Федченке появился пик с отметкой 7495 метров под названием Гармо. До 1931 года он не вызывал ни у кого сомнения. Ясность в этот вопрос могли внести жители, проживающие по ту сторону хребта Академии наук, на котором расположен пик с отметкой 7495 метров – «Гармо», но мы не имели возможности в 1928 году пробраться туда.

Так вот и закончилась первая часть открытия высочайшей точки Советского Союза - пика, носящего в настоящее время имя, Коммунизма.

Как было окончательно установлено, что в 1928 году был открыт новый пик, наивысший пик нашей Родины, рассказ ниже.

КАК БЫЛО УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ПИК КОММУНИЗМА БЫЛ ОТКРЫТ В 1928 ГОДУ.

Пик Коммунизма был обнаружен 2 августа 1928 года участником Советско-германской Памирской экспедиции Академии наук СССР военным топографом И. Г. Дорофеевым, шедшим на несколько дней впереди всех участников экспедиции.

Как было сказано выше, в том году мы не имели права считать его вновь открытым. Работая в двух последующих экспедициях Академии наук СССР в этом же районе Памира, мне удалось установить, что местное население-таджики его никогда не видели и пиком Гармо называют другую вершину. Как это происходило - рассказ ниже.

В 1931 году Академия наук СССР послала на Памир небольшую разведочную экспедицию с задачей произвести фототеодолитную съёмку восточных районов хребтов Петра-1 и Дарвазского. Эти места не были еще исследованы и на картах обозначались белыми пятнами.

Начальником экспедиции был К. В. Крыленко, его замом по научным вопросам Д. И. Щербаков, я был топографом экспедиции.

На меня возлагалась задача: произвести фото теодолитную съемку, для составления карты, указанных районов и увязать ее с картой бассейна ледника Федченко, составленной в 1928 году.

Для геодезического обоснования своей съемки мне надо было для развития съемочной сети иметь не менее трех пунктов с определенными координатами и высотами. Такими пунктами могли быть вершины с определенными координатами и высотами. Таких вершин было нами с Фистервальдером в 1928 году много определено.

Для решения этой задачи мне необходимо было начать работу с места, с которого хорошо были бы видны вершины с координатами. Таким местом я выбрал район перевала Терсагар на Заалайском хребте против кишлака в долине реки Муксу-Алтынмаз.

Отсюда было видно много вершин, нужных для меня. В первый же рабочий день, я нашел такие вершины. Среди них хорошо был виден трапецевидный пик «Гармо» с отметкой 7495 метров в стыке хр. Петра-1 и Академии наук. В 1928 году мы не знали точного местоположения этого пика, знали, что он находится на хребте Академии наук и не более. Для меня это открытие было очень важным, так как мне будет легко находить его во время моей дальнейшей работы в этом году.

В это же время Н. В. Крыленко с альпинистами искал подступы к пику «Гармо» со стороны р. Муксу. Когда мы встретилась с ним он задорно спросил меня:

-Ну как, топографы, пик Гармо нашли?

- Да, нашли и точно определили его местонахождение, ответил я.

- И мы с Львовичем (Бархашем - И.Д.) тоже установили его местоположение. Он действительно в стыке хребтов Петра и Академии наук находится. Мы, кроме того, наметали подступы к нему по ледникам Мушкетова и Фортамбек, правда, нелегкие, но все же. Я доволен нашей разведкой со стороны Муксу, с удовлетворением сказал Крыленко. К сожалению, он об этом, как мы увидим ниже, забудет и внесет большую путаницу в вопросе открытия пика Коммунизма.

Я тоже был доволен работой на Заалайском хребте: весь северный склон восточной части хребта Петра-1 был сфотографирован при хорошей погоде.

С Заалайского хребта я перешел на хребет Петра-1. С него снял южные склоны Заалайского хребта. Произвел я съемку в отрогах хребта Петра, часто пользовался пиком

«Гармо» при развитии рабочей геосети. Закончив работу на леднике Гандо, я спустился в долину р. Обихингоу, чтобы с работой идти вверх по р. Гармо и далее по леднику Гармо. В последнем верхнем селении Пашимгар, я нанял двух таджиков-проводников. Ледник Гармо шел между хребтами Петра-1 (его отрогом-Гармо, или как мы его называли-ОПТЭ) и Дарвазским. Съёмку производил с Дарвазского хребта, так как с хребта Гармо я снимал, будучи на леднике Гандо. Н. В. Крыленко с альпинистами ушел вперед искать подступы к пику «Гармо». С нижней части ледника Гармо пик «Гармо» не просматривался. Я его долго искал, но ближайшие горы закрывали его.

На одной точке стояния на отроге хребта Дарваз наконец я увидел его. Спросил таджиков знают ли они этот пик. Они долго смотрели на него, пожали плечами, и извиняющим тоном ответили, что они его никогда не видали. А когда спросил знают ли они пик Гармо, оба оживились и дружно заявили, что хорошо знают, и тут показали на шарикообразную вершину, расположенную в стыке хребтов Дарваз и Академии наук. Этот ответ меня, можно сказать, потряс. До этого момента мне и в голову не приходило, что трапецевидный пик «Гармо» был вновь открыт в 1928 году. «Интересно, знает ли об атом Николай Васильевич», подумал я. Этим важным открытием надо поскорее поделиться с ним.

Закончив работу на этой станции, мы спустились на ледник Гармо. В одном месте увидели тур. Крыленко любил ставить их на видных местах. В туре нашли записку, в которой Николай Васильевич писал, что он с альпинистами ходил на пик «Гармо» по леднику, впадающим слева в ледник Гармо, но подняться не сумели, не хватило светлого времени. Сейчас они пошли искать перевал через хребет Академии наук в сторону ледника Федченко.

Меня записка очень удивила. Крыленко и Бархаш хорошо знают, что пик «Гармо» с отметкой 7495, который они намеревались искать с ледника Гармо, находится в стыке хребтов Петра-1 и Академии наук. Почему же они все-таки его искали в стыке Дарвазского и Академии наук хребтов? Как можно так оплошать?

Через несколько дней мы встретились. При разговоре, Крыленко сказал: «Теперь мне, более или менее ясна картина узла пика «Гармо». Я подумал, что он все-таки разобрался в ориентировке и, наконец, ходил к «Гармо» с отметкой 7495.

-Какого Гармо? - спросил я.

-Как это какого Гармо? Что их у нас несколько? Я говорю о том, который таджики указали мне, подчеркнуто, с оттенком раздражения ответил Крыленко.

•-Да, их у нас оказалось два: пик с отметкой 7495 метров, которому в 1928 году дали название «Гармо», и вот второй, который таджики называют Гармо. Пик с отметкой 7495 метров находится в стыке Петра-1 и Академии наук, а пик таджикский, который находится в стыке хребтов Дарваз и Академии наук. То, что нам пик «Гармо» находится в стыке хребтов Петра -1 и Академии наук, вы знаете хорошо ведь вы мне на Мук-су сами сказали, что этот пик находится там, что вы наметили к нему подступы по ледникам Мушкетова Фортамбек, а они на северном склоне хребта Петра-1. Когда я это говорил, Крыленко молчал в задумчивости, на его лице было выражено явное недовольство, правда, я не понял кем он был недоволен, то ли собой, то ли мной. Я подумал, что недовольство он мог выразить и мне, ведь я топограф экспедиции, мог бы помочь ему ориентироваться на местности, но тут же я погасил эту мысль: этого при всем моем желании я не мог сделать, так как Николай Васильевич все время был впереди меня на несколько дней. Кроме того, ориентироваться здесь было проще простого; сама природа позаботилась, поместив между хребтами Петра-1 и Дарваз ледник Гармо.

Как можно было перепутать, где хребет Петра-1, а где хребет Дарваз. Но вот перепутал, я, видимо, винил меня в этом. Видя, что он на меня неодобрительно поглядывает, я попытался еще раз разъяснить уже на чертеже местоположение пиков, но это только сильнее расстроило его; схема моя, как масло в огонь усалила недовольство Крыленко, я замолчал. Николай Васильевич молча поднялся и энергичически зашагал по лагерю резко, в такт шагов размахивая руками. Долго ходил. Наконец подошел ко мне, сказал тоном, напоминающим приказ:

-Для принятия решения о названии пиков, нам мало показания наших таджиков. Надо более серьезно заняться этим вопросом. К сожалению, у меня уже не осталось времени для продолжения работы здесь. Мне надо без опоздания быть в Москве в день, когда я должен быть на работу, у товарища Сталина вопрос о трудовой дисциплине поставлен строго. Сегодня работу здесь заканчиваем. Через два дня выезд из Пашимгара в город Ош. Вопрос с уточнением названия пика с отметкой 7495 метров оставим до следующего года. Академия наук планирует организовать новую экспедицию на Памир с большим участием ученых. Вы, Иван Георгиевич, должны в том году работу продолжить здесь с выяснением названий пиков, - закончил более мягким тоном Николай Васильевич.

-Если меня мое начальство отпустит, - сказал я, ведь я военный топограф, собой не распоряжаюсь.

-Академия наук попросит Климента Ефремовича Ворошилова, чтобы Военно-топографическое управление отпустило вас. Отпустили же в этом году, отпустят и

на будущий год, заверил меня Крыленко. Я вспомнил как в этом году меня не хотели отпускать, но все же добились через наркома Ворошилова. Я занимал порядочную должность, поэтому и сам чувствовал, что моя командировка в экспедицию не способствует выполнению май работе в Генеральном штабе. Но отказаться я уже не мог, мной распоряжалась Академия наук.

Вопрос с местоположением пика с отметкой 7495 и с его названием для меня был ясен. По приезде в Москву, я встретился с Николаем Петровичем Горбуновым, он тогда был управделами СНК СССР, и рассказал об открытиях, с вязанных с пиком «Гармо» и Гармо таджикским.

- На будущий год Академия наук организует небывалую по своим масштабам экспедицию на Памир, в ней будет уделено большое внимание картографированию Памира. Мы планируем создать большую топо-гео-фотограмметрическую группу под вашим руководством, если не возражаете. Вот в этой экспедиции и закончите вопрос с пиками «Гармо».

Я, конечно, не мог отказаться от такой работы, хотя и чувствовал себя нехорошо от сознания, что это повредит моей работе в Генштабе, что я подвожу своего начальника.

1932 год. На Памире работала большая Таджикская комплексная экспедиция - ТКЭ-32 Академии наук СССР. В ее составе было 297 научных работников и свыше 400 человек подсобного состава. На меня было возложено руководство большой группой, состоящей из фототеодолитных, геодезических, топографических и других отрядов, которые были разбросаны по всему Памиру и даже за его пределами. Кроме руководства группой на меня было возложена задача закончить выяснение с названием пиков с отметкой 7495 метров и таджикским Гармо.

Начальником экспедиции был назначен Н. П. Горбунов, заместителем по научным вопросам профессор Д. И. Щербаков, руководителем альпинистской группой - Н. В. Крыленко.

Я, после расстановки отрядов своей группы на Восточном Памире, произвел фототеодолитную съёмку в районах: Сарезского озера и р. Памир. После чего выехал на ледник Гармо, до которого нужно было преодолеть расстояние по горным тропам около 750 километров. Этот путь занял у меня 30 дней. Моими спутниками и помощниками были молодые альпинисты: А. И. Поляков, С. Я. Ганецкий и Л. И. Покровский. Все мы были молоды и выносливы.

В начале сентября мы прибыли на ледник Гармо. К этому времени туда же приехали Н. В. Крыленко со своими альпинистами, Д. И. Щербаков с геологами.

Крыленко с альпинистами занялись поисками перевала через хребет Академии наук в сторону ледника Бивачного. Мне предстояло закончить фототеодолитную съемку верховий ледника Гармо и его притоков и попутно еще раз уточнить названия интересующих нас пиков.

В кишлаке Пашимгар я нанял трех рабочих-таджиков, не бывших в нашей экспедиции в прошлом году, но знающих местность в верховьях р. Гармо.

Лагерь наших групп был в урочище Аводара, там, где он был и в прошлом году. Отсюда на второй день по моем приходе, мы разошлись с группой Крыленко в разные стороны.

До места на отроге Дарвазского хребта, откуда я в прошлом году первый раз увидел пик с отметкой 7495 метров, недалеко. Я предложил Д. И. Щербакову пойти со мной, чтобы он принял участие в установлении истинных названий злополучных пиков.

И вот мы стоим на отроге Дарвазского хребта. С точки стояния хорошо видны оба пика, пики соперники.

-Начнем, Дмитрий Иванович? - спросил я.

-Начнем! - почти торжественно сказал он. У меня замерло сердце: вдруг эти таджики не так, как прошлогодние таджики покажут, где находится их пик Гармо. «Как этот пик называется?» —спросил Щербаков, таджиков, показывая на пик с отметкой 7495, расположенный в стыке хребтов Петра-1 и Академии наук.

Таджики внимательно и долго смотрели на указанный пик, тихо переговариваясь между собою, пожимая плечами. У меня сердце больно сжалось. Таджики смущенно молчали. Они, видимо, подумали, что мы их сочтем за плохих проводников, раз не могут назвать как называется эта вершина. Щербаков пришел им на помощь.

-А эту вершину вы знаете? - опросил он их, показывая на широко-образную вершину, расположенную в стыке хребтов Дарвазского и Академии наук.

-О, ее знаем: ее все знают — это Гармо! оживленно и радостно воскликнули они в один голос.

-А эту не знаете? - показывая на пик с отметкой 7495, повторил свой первый вопрос Дмитрий Иванович.

-Нет, не знаем. Мы ее никогда не видели: она вон как спряталась за горы. Мы сюда, на ледник, никогда не ходим, потому и не видели ее, и они с еще большим вниманием и удивлением стали смотреть эту вершину, которой по непонятным им причинам мы так интересуемся этой остроглазой вершиной.

-Вопрос ясен, - проговорил Дмитрий Иванович довольным тоном. У меня отлегло на сердце. Радость овладела моим сознанием.

-Ну, поздравляю с новым пиком! - взволнованно проговорил Дмитрий Иванович. Важное открытие, ничего не скажешь. Недаром вам, Иван Георгиевич, потребовалось три экспедиции совершить, чтобы разобраться с этими вершинами.

Так вот было окончательно установлено, что в 1928 году была, открыта новая вершина, которая самая высокая в Советском Союзе - пик Коммунизма, высота которой равна 7495 метров над уровнем моря. Открыта она советскими участниками экспедиции, не немецкими участниками.

Я рад, что в открытии этой вершины мне пришлось принимать непосредственное участие.

Вот такова истинная история открытия этого лидера вершин нашей Родины - пик Коммунизма.

В 1932 году он был назван пиком Сталина.

В 1962 году он переименован в пик Коммунизма.

Непосредственный участник открытия

пика Коммунизма

И.Г. Дорофеев

25 апреля 1986 г.

Военный топограф

333000, Симферополь ул. Тренева, 2, кв.1

(военный инженер-геодезист), участник

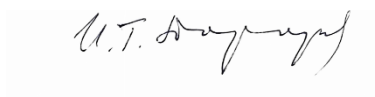
Дорофеев Иван Георгиевич

семи Памирских экспедиций Академии наук

СССР, полковник в отставке.

Приложения:

1. Фото- вид с перевала Танымас на пик Коммунизма.
2. Фото- верховье ледника Федченко.
3. Фото- ледник Академии наук.
4. Фото- средней части ледника Федченко.
5. Фото- вид вниз по леднику Федченко с ригеля Метеостанции им. Академика Горбунова.
6. Фото- слияние ледника Бивачного с л. Федченко.
7. Фото- языка л. Федченко.
8. Фото-пика Коммунизма и нижней части л. Федченко.
9. Фото- пика Коммунизма с хребта Дарвазского.
10. Схема ледника Федченко по съемке И.Г. Дорофеева.
11. Схема бассейна ледника Федченко.
12. Схема-расположения пиков Коммунизма и Гармо.

Вид с перевала Танымас на пик Коммунизма.

1928 года, 2 августа, участник Памирской высокогорной советско-германской экспедиции Академии наук СССР, военный топограф И. Г. Дорофеев, первый из людей проник сюда в центр «Неисследованной области», расположенной в северной части Памира. части Памира. Здесь он увидел:

1. Высокие вершины, среди которых был пик Коммунизма с отметкой 7495 метров, самая высокая точка Советского Союза.
2. Самый большой ледник Советского Союза – ледник Федченко, длина которого равна 77 километров. Ледник до этого считался средним по величине – 20-30 километров. Дорофеев первым из людей прошел по всему леднику, нанес его на карту.

В итоге было сделано два значительных географических открытия: самая высокая точка СССР и самый большой ледник СССР.

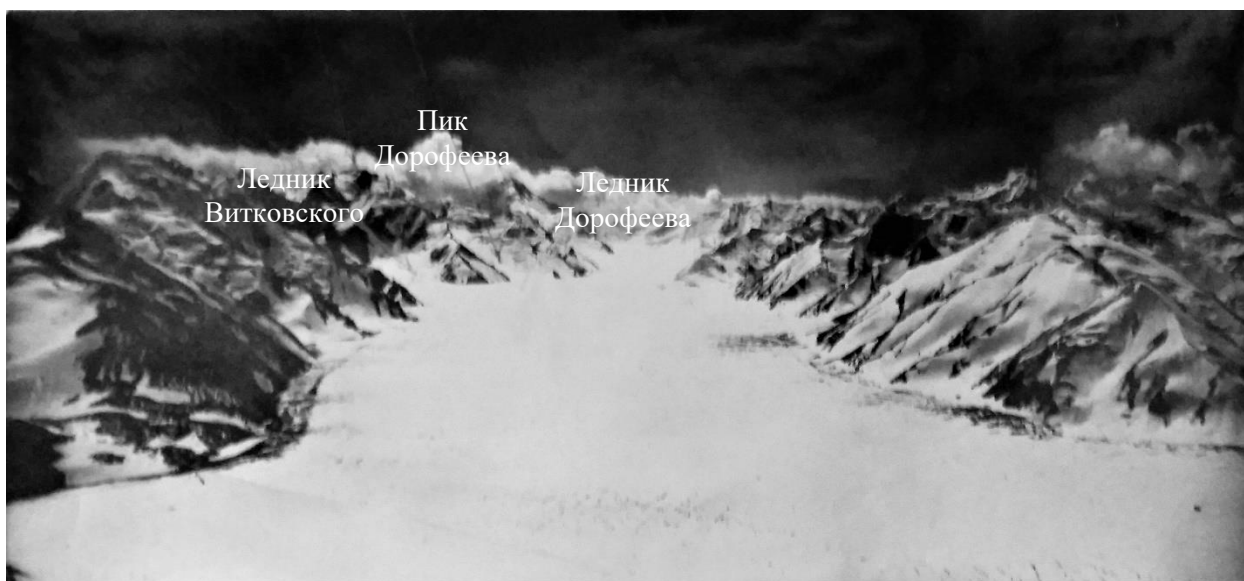

Фото экспедиции, 1958 г.

Верховье ледника Федченко. Вид с перевала Танымас.

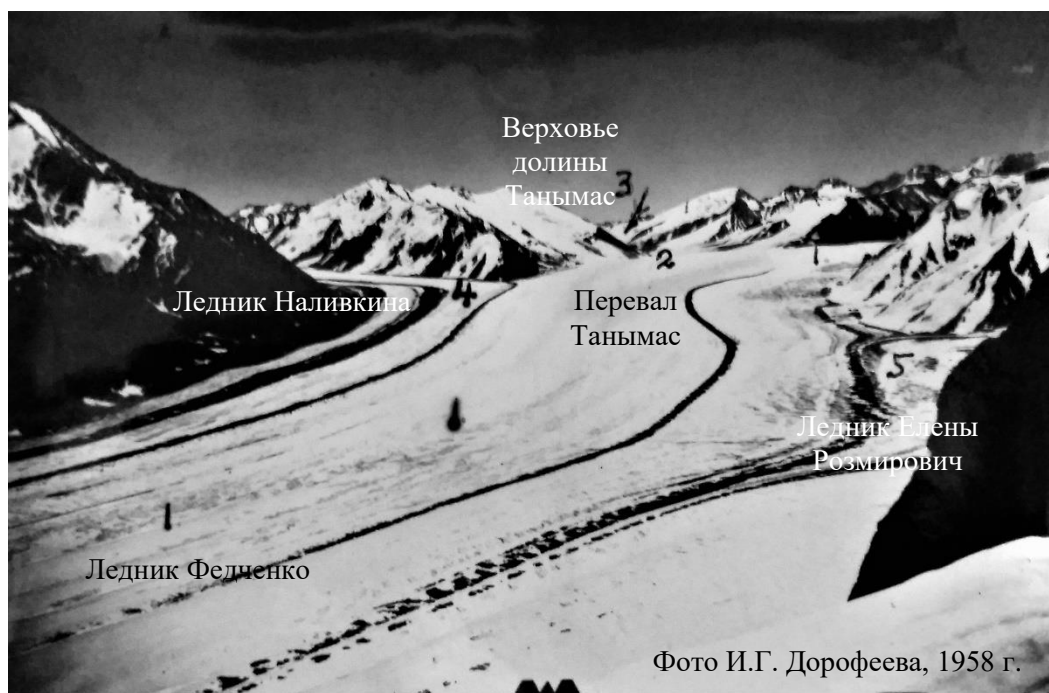
До верховий ледника около 30 километров. Впервые открыт военным топографом И. Г. Дорофеевым в 1928 году.

Ледник Витковского назван Академией наук СССР в 1928 году. Пику и леднику Дорофеева название дано Узбекской Академией наук в 1960 году.

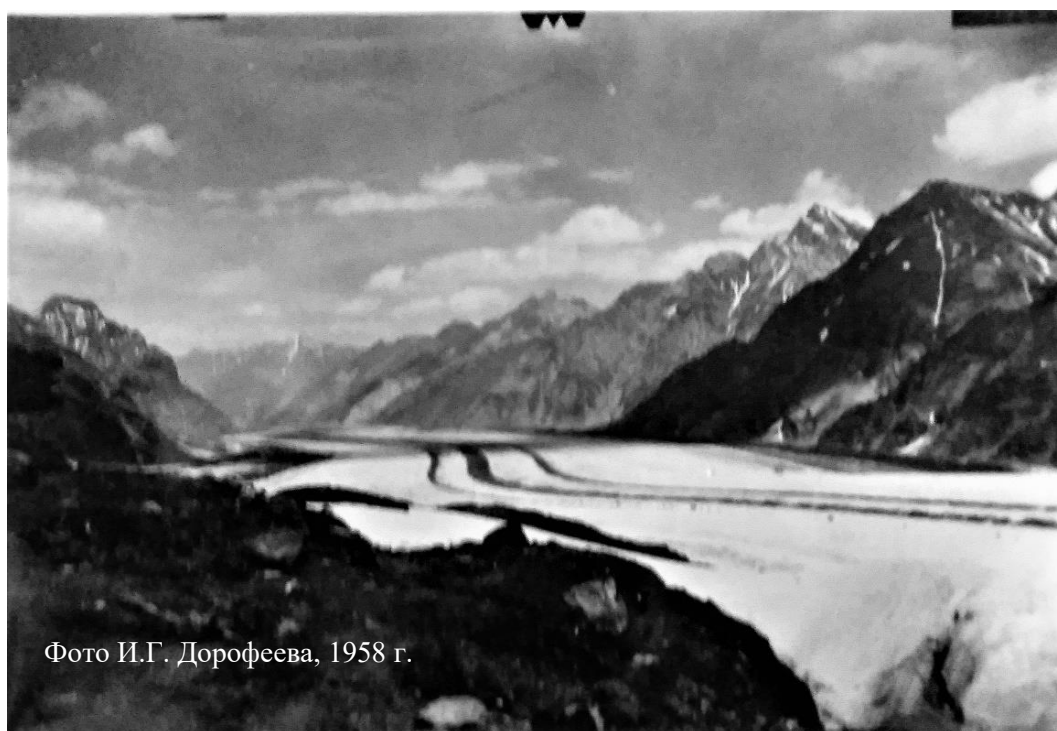

Фото И.Г. Дорофеева, 1958 г

Снимок с хребта Арал через перевал Танымас на ледник Академии наук.

Средняя часть ледника Федченко

Вид вниз по леднику Федченко с ригеля метеостанции имени Академика Горбунова

Ледник Бивачный (справа) сливается с ледником Федченко

Ледник Бивачный

Ледник Малый Танымас

Язык ледника Федченко. Высота над уровнем моря 2900 метров.

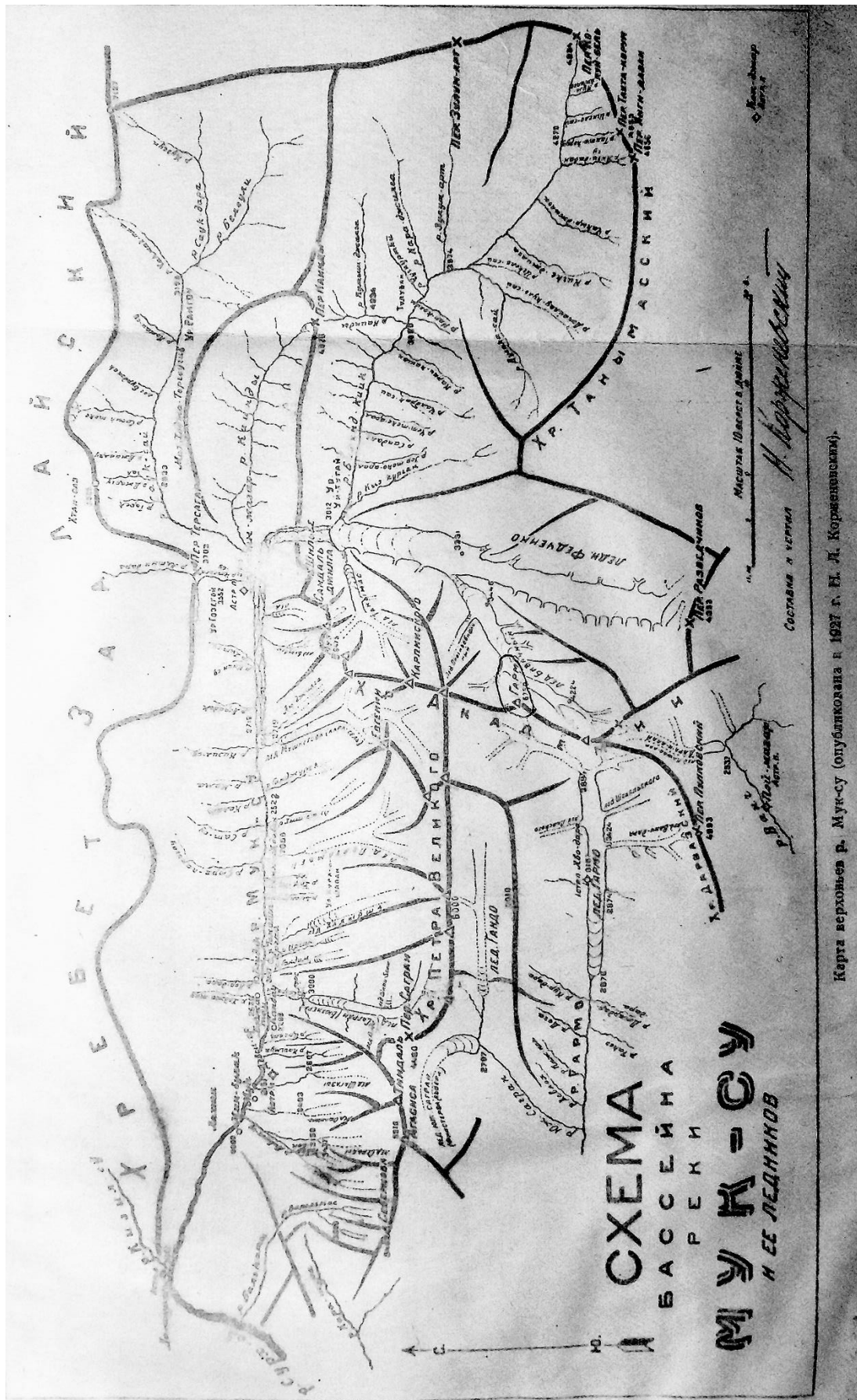

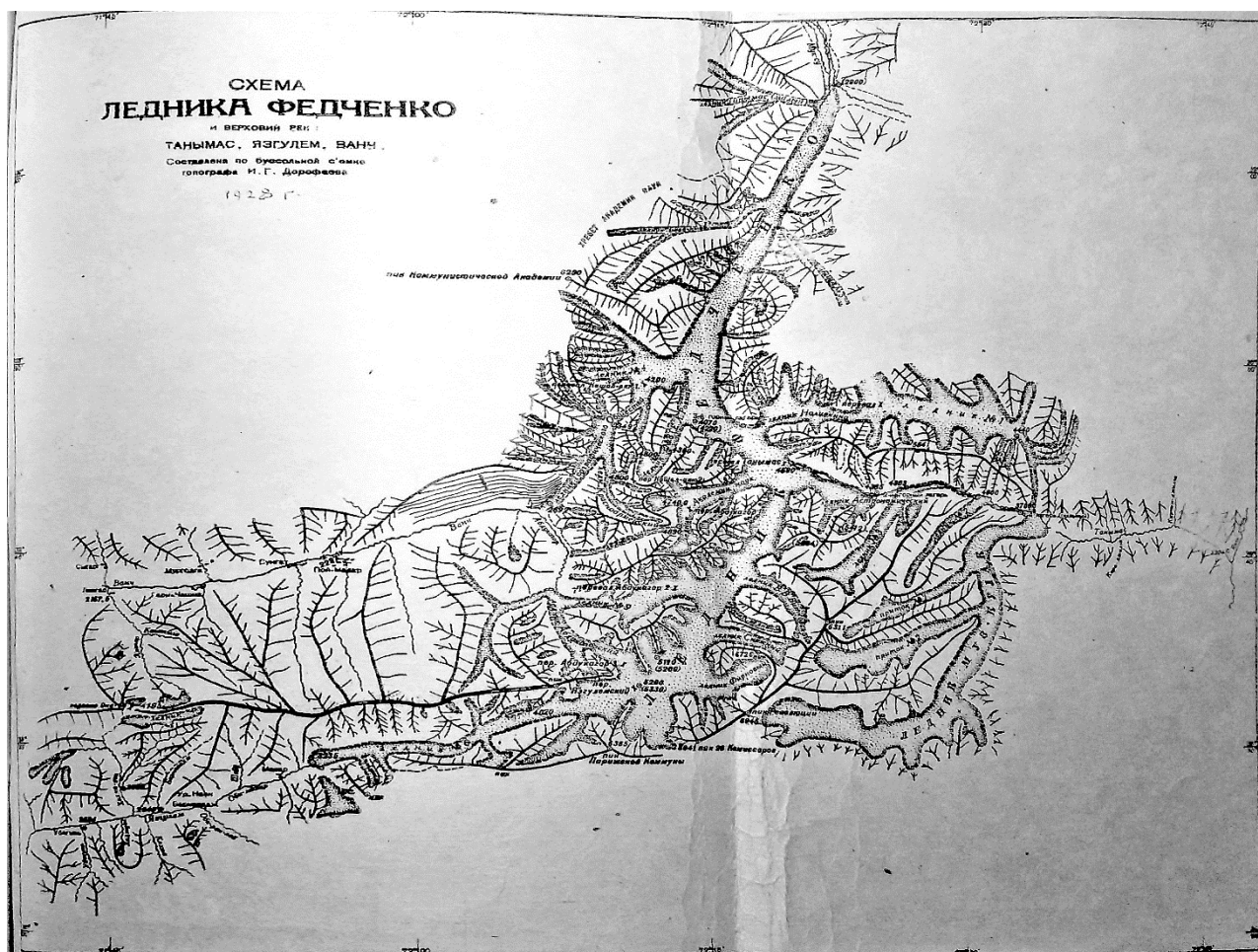
Вид на хребет Академии наук. Хорошо видна наивысшая точка СССР – пик Коммунизма с отметкой 7495 метров над уровнем моря. Внизу виден ледник Федченко, длина которого определена военным топографом И. Г. Дорофеевым.

Пик Коммунизма, высота 7495 м.

Вид на пик Коммунизма с отрога хребта Дарвазского (верховье ледника Гармо).

Ведомость ледников

1. Ледник Федченко (Основной ствол)	9. Косиненко	20. Улугбека	21. Алерт
22. Зимовщиков	23. Геофизический	26. Южный Крутой Рог	28. Попова
31. Кыз-Курган	38. Витковского	40. Дорофеева	41. Снежный
42. Высокий Танымас	43. Академия наук Узбекистана	44. Парашютный	45. Контейнерный
46. Перевальный	47. Академии наук СССР	48. Бугаеве	50. Среднеазиатского Госуниверситета
51. Елены Розмирович	52. Кашал-Аяк	53. Коммунистической Академии	54. Метеорологический
55. Военных топографов	58. Спутник 111	59. Спутник 11	60. Спутник 1
65. Суровый	75. Бивачный	76. МГУ	77. Ошанина
78. Орджоникидзе	79. Ворошилова	80. Василевского	83. Калинна
92. Малый Танымас			

Некоторые сведения:

Водосборная площадь бассейна ледника – 1375 кв. км.

Площадь ледников -824 кв.км.

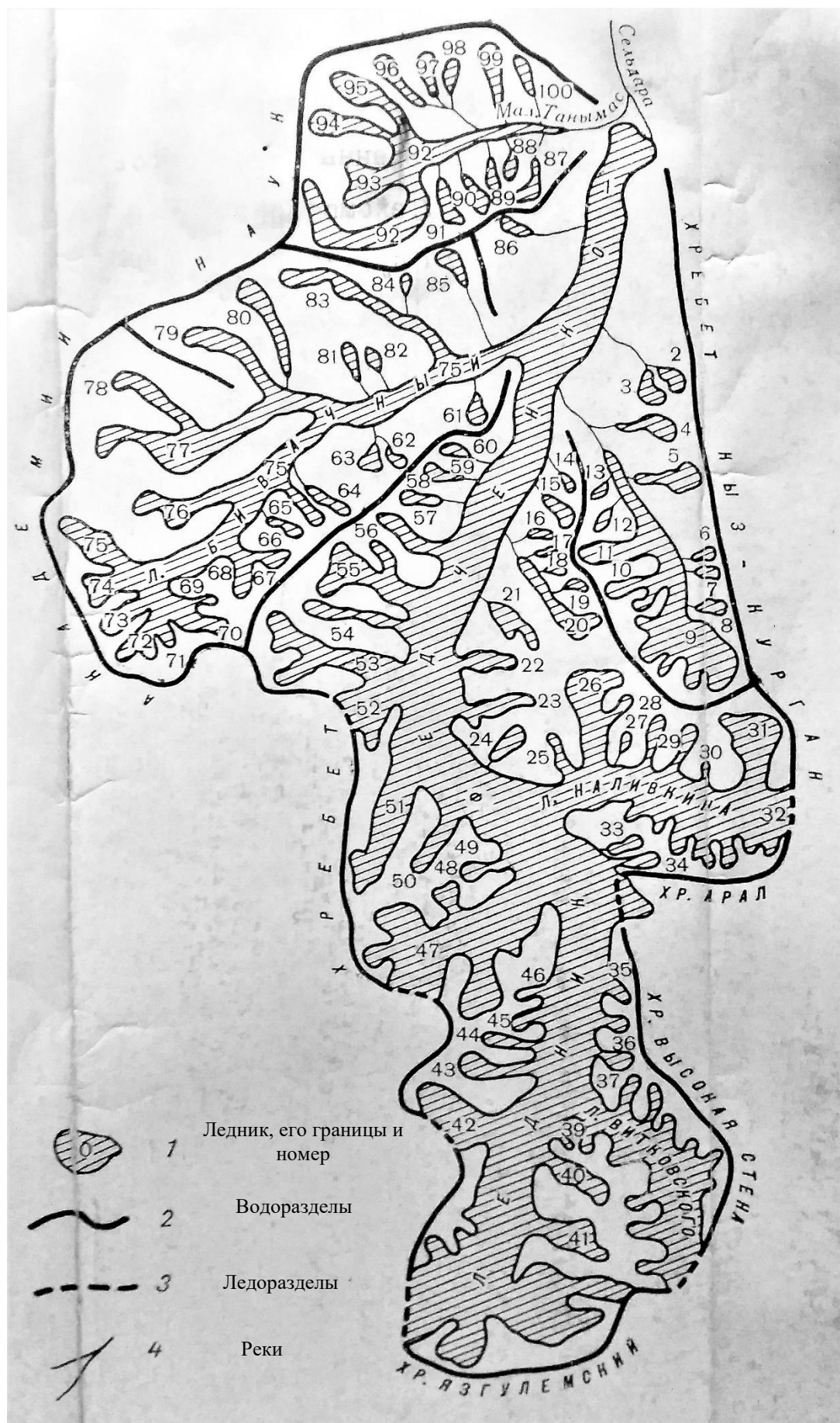
Объем льда – 144,4 куб. км.

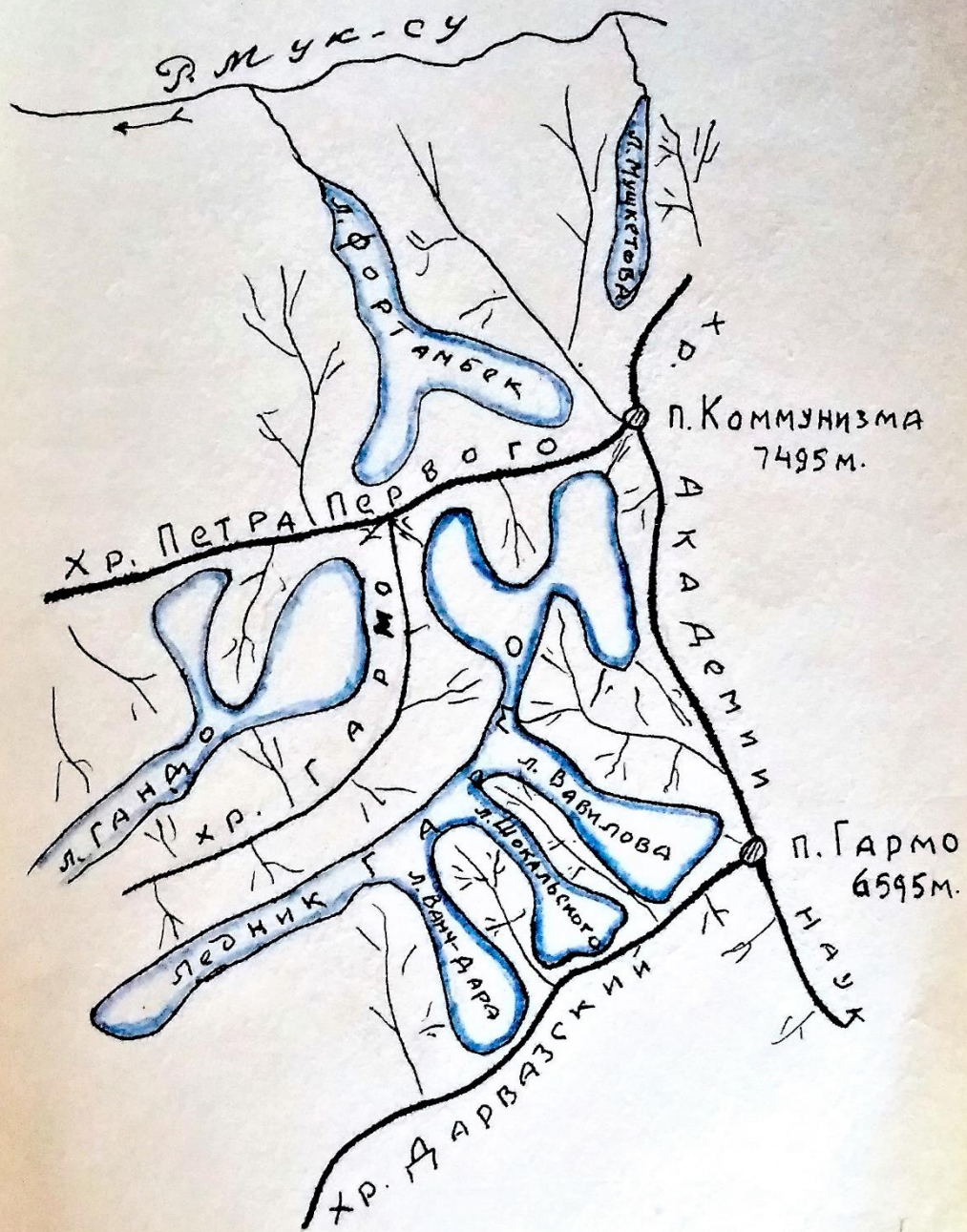
Длина ледника – 77 км.

Толщина льда в центре ледника – 1000 м.

Скорость движения ледника – около 0,3 м в сутки.

Схема бассейна ледника Федченко

СХЕМА

Расположения пиков Коммунизма и Гармо

В.Т. Валуев 1985г.